Данилушко Игнатьевич и Тит

Как от той було стороночки восточной
Подымалася туча богатая,
Туча грозная, гражь великая, —
Еще едет-то Тит, похваляется:
— Русалимскую церку вижгу, випленю,
Русалимский монастырь весь на дым вожьму,
Царь Тимофея в полон полоню,
Царыцу-княгину на шебя вожьму.
Еще сорок царэй, сорок королей,
Под кажным царом по тры тысэчи,
Под кажным королем да по тры тысэчи,
Подо мной-то, под Титом-то, счету нет.
Еще сам-то я, Тит-то — Тито-брата звер!..
    Цар сделал пир да на весь он мир,
Про вшёх он про княжей, про боярей,
Про ту полонницу вшю удалую.
От пэрэннего стола как ответу нет,
От сэрэннего стола да колесом пошел
Швет по имони Данилушко Игнатьевич.
Он ставал-то на ноженьки на резвые,
Как на те-то на сапожки зелен сафьян.
— Как служил я царам-царэвичам,
Как служил я королям-королевичам,
Как таперoче Данилушко старым-старык,
Старим-ти старик, девяносто лет,
Не могу-то я, Данилушко, на коне сидеть,
Не могу-то я, Данилушко, копьем шурмовать.
В чистом поле стоял дуб, дуб (к)раковистой,
У сырого-то дуба один отроштель —
У меня есть, (у) Данилушко, чадо милое,
Швет по имено Михайлушко Данильевич.
Как таперича Михайлушку двенадцать лет.
Кабы бул-то Михайлушко пятнадцать лет,
Он съездил би во чисто полё,
Постоял би за веру хрыстианскую.

Как не стук застучал, братцы, во черэмэ:
— Поди-ка, Михайлушко, чебя цар зовет!
Тут расплакался Михайлушко Данильевич:
— Ужо хто про меня да как цару сказал?
— Пошто он зовет, про то не узнато.
Подвозили карету златоковану.
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Михайлушко Данильевич.
Он и крест-то кладет да по-ученому,
Поклон-то дает по-писаному,
Еще княжу, княгине — по особице.
Тут спроговорыт-то Данилушко Игнатьевич:
— Ой, ты бо ишя, ты, мое дитятко,
Еще пьянским я делом призахвастался.
Еще шъезди, мое дитятко, во чисто поле,
Ты постой-ка за веру хрыштианскую
Как с бело-то денька до чемной ночки,
С чемной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чемной ночки,
Потом поворачивай коня, коня накруто!
Пояхал Михайлушко во чисто поле.
Как езжает еще на силушку бессчетную,
Еще стал-то по силушке поезживать
Как с бело-то денька до чемной ночки,
С чемной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чемной ночки,
С чемной ночки до бела денька.
Еще в ту пору Михайлушко поранили.
Поворачивает коня да коня накруто.
Как не стук; и застучал, братцы, во черэмэ,
Как выскакиват Данилушко Игнатьевич,
Разбежалася лошадь богатырская,
Еще брал он его во белы ручки,
Как уношит его во божью церку,
Кладет он его да под святы образа,
Затеплил швечу воску ярову:
— Как буди оживешь, то швеча горы;
Ко будэ помрэшь, то швеча сгоры!
Сам выходит не дверми, не воротами,

Как виламывает каменну стену.
Не бэрэт он в руки саблю вострую,
Не бэрэт он копье борзуменское.
В чистом поле стоял дуб, да дуб (к)раковистый,
У сырого-то дуба один отроштель,
Сарывал дуб, дуб из корэню,
Как езжает еще (в) силушку бессчетную.
Еще стал и по силушке поеждивать,
Стал-то он дубом-че помахивать:
Пэрэд он махнет — пэрэулочки,
Как назад-то махнет — часты улички.
Как зверино еще шерце возверылося,
Могучие плечи размахалися.
Эту-ту же-то шилу вшю-то скошил,
Самого того Тита живком хвачил,
Он прывезыват коню, коню в торока:
— Как татарские жилы-че не сорвутся,
Как татарские кошти не изломятся!
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Данилушко Игнатьевич,
Брошился он это-то, он во божью церку —
Как потухла швеча-то воску ярого,
Переставился Михайлушко Данильевич.
Сам виходит не дверми, не воротами,
Как виламиваёт каменную стену.
— Ох ти, цар, пьешь, ешь да прохлаздаешша,
Ти не знаешь про несгодушку немалую,
Немалую, невеликую:
Как померкло мое красно солнишко,
Улетела звезда поннебесная,
Переставился Михайлушко Данильевич!
Сам бросался-кидался о кирпичёвый мос(т),
Его косточки-суставчики не спозналися.

(Записал Н. А. Габышев 12.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.